

*Моему
самому преданному читателю
посвящается*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С самого начала эта детективная история задумывалась в неразрывной связи с театром и кино. Поэтому было невозможно не рассказать об экранизациях Стивенсона, особенно о полной юмора русской версии, в которой зловещая фигура Председателя клуба была изображена буквально на холсте в стиле Пикассо. Тема Пикассо требовала продолжения, поэтому на стене кабинета секретаря клуба главный герой детектива увидел «Голову женщины», или «Портрет Доры Маар», таинственная судьба которой позволила автору таким образом продемонстрировать всемогущество Председателя. Каково же было удивление автора, когда он узнал, что после публикации детектива в интернете у таинственных владельцев картины, похищенной когда-то с яхты саудовского принца, проснулась совесть и они решили вернуть ее человечеству.

НАСТРОЕНИЕ

Телефон молчал. Кофе уже не бодрил, а только добавлял кислоты мундштуку всегда такого мягкого, а сегодня непривычно едкого «шакома»¹. Странно: вчерашний вечерний чай завершился одной получасовой пятидесятиграммовой порцией «очентошена»², а горечь во рту стояла, будто после попойки. Это все от настроения. Он вяло поднял утреннюю газету, где сообщалось о традиционном ужине Национальной ассоциации аудиторов. В этом году даже приглашения не прислали. Я — никому не нужен.

Пётрович положил недокуренную трубку в пепельницу и встал из-за стола. Сегодня даже матерное приветствие на дубовой кайме обтянутого зеленой кожей стола, *старый...*, выцарапанное когда-то накачавшимся барбитуратами внуком в подарок стареющему под сводами замка деду (стол был куплен

¹ Chasom — марка французского производителя курительных трубок.

² Auchentoshan — марка известного шотландского равнинного односолодового виски с очень небольшим содержанием торфа в солоде.

Пётровичем за бесценок при описи имущества ветерана колониальных войн, мерзкая *царापись* была стерта и заново отлакирована в цвет толковым краснотеревщиком, но со временем научилась проглядывать под косыми лучами солнца, заходившего на свой полуденный полуоборот как раз напротив окон кабинета главы аудиторской фирмы), сейчас этот циничный и нелепый парафраз эпохи студенческих революций язвительно скреб своего визави: ты думаешь, что к тебе это не относится?

Пётрович сдвинул на *царापись* недочитанную утреннюю газету. Если ты выжил в своем амфетаминовом аду, почитай, какие таблетки сегодня популярны у твоих ровесников во времени, когда они громят витрины аптек и соседних ювелирных магазинов, — передовице удалось поймать в кадр подпиравшего спиной фонарный столб, сидящего на тротуаре юнца, раздвинутые ноги которого заполнила, не кровью же, неприличная лужа. Мне это неинтересно.

Он подошел к драцене¹. К ней Любляне прикасаться было запрещено. Секретарша, она же уборщица кабинета и приемной, всегда старательно вытирала пыль с полок, уставленных кодексами правил, привычек, чести и бесчестья, с рамок любимых хозяином кабинета репродукций, со стола, чернильно-

¹ Драцена (*лат.*) — «самка дракона». Декоративное домашнее растение.

го прибора. Макетный нож всегда был отполирован и звал к бою. Только с кем? Не с самим ли собою? Да, настроение... Сегодня репродукции вечности съезжались до кособоких диснеевских картонных гномов. Великий фантазер, извлекаемый из недр центра вселенной парижским экспрессом, смотрелся головоногим моллюском. Охотники, шатаясь по снегу, возвращались не из леса с *добычью*, а с обычной воскресной пьянки в заимке, куда лесник принес им дохлую лису, теперь притороченную к поясу одного из гуляк, для отмазки от вечно недовольных жен. Вот драцена, *драконочка* моя, — другое дело.

Нет, и здесь дело плохо. Кто сказал, что ты неприхотлива в уходе? Эй, вы, любители таблеток, разгромите в следующий раз магазин того самоуверенного цветочника. Неделю назад, заметив пожелтение на кончиках листьев, Пётрович спешно направился к нему за советом: раз кончики желтеют, значит, не хватает влаги, попрыскайте на листья. И листья стали ожидаемо склоняться вниз и опадать.

Пётрович взглянул на часы сначала на настенные, потом на наручные. «Ленцкирх», как всегда, запаздывает, но самому (скажу Любляне) подводить стрелки не хотелось¹. Без четверти *вольфштунде*². Это правило он установил давно — до одиннадцати ни

¹ Lenzkirch — коммуна в земле Баден-Вюртемберг, Германия. Курорт, с 1851 года — производитель часов.

² Wolfsstunde (нем.) — «час волка». Разговорное русское обозначение времени открытия винных магазинов.

капли. Ему он следовал неукоснительно, давая слабинку только во время аудита заполярных шахт, где (то ли разница во времени, то ли обильное вечернее застолье с белой рыбой и баней) появлялись и русалки, но *аквавита* всегда брала верх, давала о себе знать настолько, что наутро «час волка» наступал много заранее¹. Но сегодня... пусть Заполярье переместится в центр Европы. Пётрович подошел к стойке бара, стоявшей рядом с камином. Бюро располагалось на верхнем этаже старого здания, когда-то отапливаемого углем и дровами. Свой камин хозяин кабинета разжигал только один раз, когда заселялся в это бюро, но — симметрично бару — законченность образа — ты был и останешься пижоном, рядом с другой стенкой камина была сложена элегантная поленница дров. Пётрович открыл дверцу бара. Коньячные императоры, ромовые крутые, так вызывающе приподнятые бедра, *ниньо досе*, нет, сегодня не ваш день². Он запустил руку в глубь бара и выудил бутылку с домашним, сваренном в гараже виски. Все-таки чему-то в этой жизни я научился.

Пётрович наполнил мерную, с отсечками миллилитров, рюмку, опять взглянул на часы (подход к бару и выбор напитка занял пару минут), аккуратно наклонил рюмку к стакану. Так, теперь еще пара минут, пусть виски в стакане вздохнет и выдохнет,

¹ *Aqua vita* (лат.) — живая вода. Распространенное общее название крепких, часто самогонных напитков.

² *Ninho doce* (браз./порт.) — сладкое гнездышко.

а остаток уляжется на дно мерной рюмки, чтобы потом одной долгой слезой соскользнуть к своим без одной капли пятьдесят. Он вернулся к столу, уселся в кресло, взял трубку, чуть придавил большим пальцем недокуренный табак, зажег спичку, подождал, пока она разгорится, и поднес к чашке «шакома». Теперь не подведи. И действительно, трубка не подвела его. Кислота исчезла, затяжка получилась долгой и томной. Он искоса взглянул на «ленцкирх». Еще пара минут. Нет, правило есть правило, Заполярье, возвращайся домой. Он придвинул к себе пачку корреспонденции — одна реклама, что там про бюстгальтеры с чашечкой (Любляна что, не просматривает почту, вынимая ее из ящика, или она намекает на очередной подарок?), как вдруг из глянцевого конверта выскользнул нестандартного узкого формата конверт. Машинописный петит. «В Пётрович Аналитикс. Др. Пётровичу лично». Совершенно не к месту он вспомнил эпизод из русского довоенного фильма про цирк, где актриса, натуральная блондинка, произносила фразу, ставшую в этом кабинете сакраментальной: «Пётрович, ай лав ю!» И тут же «ленцкирх» начал отбивать наступление «часа волка».

СВИДАНИЕ

Пётрович торопился на свидание. Год закончился очень плохо. Заказов не было. Аудитор, когда-то бравший на грудь металлургические гиганты, не смог устоять под прессом конкуренции лощенных аудиторских домов, таких как братья Клемен, и довольствовался теперь оценкой мелкого, никому, кроме дотошных наследников, не нужного имущества, так что для выплаты обещанных рождественских премий пришлось даже занять у тетушки и потом объявить об увольнении. Люблян у он предупредил заранее, что к ней все сказанное в праздничный вечер отношения иметь не будет, но она хорошо подыграла и первой, подняв на вздохе свой немалый, Максим Горький, что твоя Леска, размер, закатила глаза. Поэтому сегодня утром, готовясь к встрече, он поймал себя на мысли, что собирается (только розочки в петлице не хватало) как на свидание. Несмотря на необычайность ситуации, он не мог упустить этот заказ. Просьба как раз была самой рядовой — провести проверку первичной бухгалтерии и выдать заключение для представления в официальные инстан-

ции. Но вот заказчик... «Клуб самоубийц». Когда Пётрович прочитал это письмо, он вместо традиционного потягивания домашнего напитка (у него даже солод сушился на настоящем торфе) выпил свой полтинничек залпом. И — полез в справочник статистического управления. Да, «Клуб самоубийц» — некоммерческая организация, филиал международного благотворительного фонда, основана, зарегистрирована, код налогоплательщика, лицензия министерства здравоохранения, адрес и так далее. Уставная деятельность — терапия психических расстройств. Да, вот еще что. Находится под патронажем прихода святого Николая.

Пётрович налил себе еще одну порцию виски и со стаканом направился к книжным полкам, в угол, где хранились обрывки воспоминаний детства и осколки кризиса среднего возраста. Поставив стакан между «Эпохой крестовых походов» Лависса и Рембо и «Варварскими нашествиями» Люсьена Мюссе, он приподнялся на цыпочки, секретарша, когда протирала пыль с верхних полок, забиралась, предварительно сняв туфли (жесткое требование хозяина кабинета) на антикварный *ладдер*¹ из орехового дерева, переехавший в этот кабинет вместе со столом, чтобы достать из длинного разноцветного ряда историй искателей самых невероятных приключений

¹ Ladder (*англ.*) — небольшая приставная библиотечная лестница.

томик Стивенсона. Детские книги стояли так плотно, что попытка вышла не совсем удачной, и вместе с приключениями принца Флоризеля из книжного ряда выскочили «Записки о Шерлоке Холмсе», Пётрович попытался их удержать, но руки не хватило, и история великого сыщика грохнулась на пол. Дверь тут же открылась на шум, и в кабинет вошла Любляна.

— Шеф, что случилось? А-а, книга, да? — Секретарша грациозной рысцей подбежала к книжной полке, наклонилась и подняла томик Конан Дойля. — Шеф, а это хорошая примета, — Любляна смахнула с «Шерлока Холмса» пыль, — книги падают к благоприятным делам на работе. Ждите заказа.

Несмотря на свою молодость, она была настоящим кладезем суеверий, примет и гаданий.

— Так, откроем на первой попавшейся странице и посмотрим, какой мы получим заказ. — Секретарша открыла книгу, задумалась, затем перевернула несколько страниц и протянула книгу Пётровичу: — Вот, «Последнее дело Холмса». Шеф, — Любляна жалобно взглянула на своего покровителя, — мы закроемся?

Аудитор ласково потрепал девушку по щеке:

— Не волнуйся. Это просто так называется последний рассказ из первой книги о Шерлоке Холмсе. После этого у него была масса других интересных заказов.

Но на душе заскребло, нет, это были не кошки, а тот самый перочинный нож, который навечно оставил о себе память на письменном столе. Стивенсона можно было уже не открывать. Он не был суеверным, но к детским книгам относился очень трепетно и, как один из его любимых героев, сам нет-нет да и гадал на их страницах. Куда ни кинь... Здесь — Мориарти, а там — Председатель.

— Слушай, — Пётрович решил выкинуть дурные предчувствия из головы, — пойдем пообедаем?

Любляна радостно вскинула брови, затем руки, обняла своего благодетеля и приникла к его губам долгим поцелуем. Виски тут же отозвался на жар ее тела, но Пётрович слегка отстранил ее. Нет, это сейчас будет лишним.

— Я посижу до полудня, подумаю. А ты пока вот что. Сходи-ка в библиотеку, порыйся в газетных подшивках и сделай мне подборку самых резонансных самоубийств за последние, ну, скажем, пять лет. А оттуда — прямо к Максусу. Я тебя там буду ждать.

Городская библиотека находилась за углом, на площади, и секретарша не раз исполняла подобные поручения, тем более что они не были очень сложными, поскольку несколько лет назад городские власти профинансировали создание электронного каталога и поиск необходимой информации очень упростился. Но сегодня поручение выглядело совершенно необычным. Поэтому брови опять поднялись, на этот раз вопросительным домиком. «Здоро-

во у нее это получается — двигать бровями», — подумал Пётрович.

— Потом, потом. Завтра, — закрывая тему и не только тему, сказал аудитор. Он достал бумажник (поиск в электронном каталоге стоил небольших, но денег) и вытащил оттуда мелкую купюру: — Этого хватит?

И сейчас в трамвае (аудитор уже давно передвигался по городу в общественном транспорте) он открыл папку и принялся перечитывать ксерокопии, сделанные накануне секретаршей. Информации было немного, но Любляна хорошо сделала свое дело. В одной заметке трехлетней давности рассказывалось о таинственном случае на озере в Рейнензиштадте, где на берегу нашли аккуратно сложенное пальто, во внутреннем кармане которого была обнаружена записка: «Завершив свои дела в этом мире и выполняя свой долг перед своими товарищами по несчастью, предаю свое тело воде. Ганс Бауэр». Газета сообщала, что тела найти не удалось, равно как в департаменте полиции не смогли ничего рассказать о субъекте по имени Ганс Бауэр. Но намек на товарищей по несчастью дотошным журналистом был истолкован правильно, и он попытался проникнуть в «Клуб самоубийц». Там его не совсем вежливо встретили, что укрепило автора статьи в предположении, что исчезнувший имярек был членом этого клуба. Следующая заметка, вышедшая две недели спустя, сообщала, что тела так и не нашли, а данных о предполагаемом са-

моубийце нет даже в департаменте социального обеспечения. Потом было несколько коротких заметок из уголовной хроники за разные годы о случаях самоубийства на почве ревности, бедности и *пропащести*. И самый, действительно резонансный, свежий материал о несчастном случае с молодым человеком, случайно застрелившим себя из отцовского пистолета, что бесстрастно зафиксировал объектив кинокамеры, установленной невезучим юношей напротив себя. Сообщалось, что уголовная полиция будет устанавливать причины происшедшего, но далее — Пётрович как-то пропустил этот случай, но Любляна его хорошо помнила, поэтому, как она выразилась, послала *к ежикам* электронный каталог и перерыла живую весь недавний столичный архив, — ничего.

Аудитор уже не стал вчитываться в последние два листа. Короткая заметка — «Несчастный случай на вокзале» — в вечерней газете, и крикливое — «Несчастный случай? Самоубийство? Убийство!» — воскресного «желтого» издания, которое рассказывало, как пожилой чиновник, возвращаясь с рыбалки, упал с перрона вокзала в курортном местечке, надо же, опять Рейнензиштадт, под поезд.

Пётрович тяжело вздохнул и закрыл папку. Пока он читал, трамвай покинул деловой центр и сейчас направлялся к элитному парковому пригороду, поэтому пассажиров почти не осталось. Напротив, на задней площадке (Пётрович сидел спиной к направлению движения) примостился какой-то ста-

рый букинист в издавшем, наверное, даже не виды, а настоящие морские баталии, потрепанном матросском жилете, с перевязанными бечевкой стопками книг, мерно покачивавшихся на стыках рельс рядом со своим хозяином. А вот и конечная остановка. Пётрович поднялся, сделал было шаг навстречу, чтобы помочь библиофилу спуститься с его поклажей (кто знает, может, это и мое будущее), как вдруг старик, неожиданно шустро для своего возраста, подхватив одну стопку под мышку, а другую — в свободную руку, буквально соскочил с подножки трамвая и, немного подволакивая левую ногу, проворно заковылял по мощеному, здесь еще в прошлом веке, тротуару. Пётрович вышел из трамвая, посмотрел на номер дома напротив остановки и, пожав плечами, двинулся в противоположном направлении.

ВСТРЕЧА

Нет, это все-таки оказалась деловая встреча, а не свидание. Клуб располагался в старинном здании английского викторианского стиля из красного кирпича, увитого по самые подоконники и карнизы зеленым плющом, но это было последнее, что могло навеять мысли о романтическом свидании. Дверь клуба открыл настоящий громила, мышцы и жесты которого не мог скрыть даже добротный сюртук камердинера с отороченными позолоченным шитьем лацканами. Согласно полученной во вчерашнем письме инструкции Пётрович протянул громиле визитную карточку, приложенную к приглашению, тот молча взял ее, оглядел посетителя с головы до ног, вновь взглянул на карточку, повертел ее негнушмя пальцами и наконец, сделав шаг назад, распахнул дверь, тем самым, а не жестом руки, приглашая Пётровича войти. Аудитор вошел в полутемный коридор, услышал, как за спиной закрывается дверь, стало совсем темно, повороты ключа в замке — и легкий толчок в спину. «Это что — на расстрел?» — подумал Пётрович и, дернув плечом, повернулся спи-

ной к стене, слабым отсветом отражавшей тусклый свет в конце длинного коридора. Громила широким шагом вышел вперед и, не останавливаясь, молча двинулся на этот тусклый свет. Аудитор последовал за ним. Если мне когда-нибудь взбредет в голову идея самоубийства, я вспомню этот коридор и все сразу встанет на свои места.

В конце коридора неожиданно стало совсем темно, поскольку громила закрыл собой весь дверной проем. Но он тут же сделал шаг в сторону, и Пётрович вошел в слабо освещенную приемную. Так, это — чистилище, но что-то уж слишком изысканное. Подумалось, что такому убранству приемной мог бы позавидовать даже ныне покойный прежний хозяин письменного стола. Настенная, наверняка антикварная, бронзовая лампа освещала тяжелые гардины, диван, журнальный столик, два кресла (интересно, кто из них самый старей?), небольшую горку, увенчанную хрустальным блюдом со стаканами и графином с водой. Ни ковра, ни ковровой дорожки, но паркет, штучный, дубовый, так тщательно всеми своими разных оттенков древесными *светами* отражал каждую крупницу тусклых лучей бронзовой лампы, что по нему невольно хотелось пройтись на цыпочках.

Громила открыл дверь кабинета, вошел внутрь и закрыл дверь за собой. Наступила тишина, Пётрович опять посмотрел на паркет (интересно, поднялась бы на такое рука обкуренного любителя

царанисей?), как вдруг дверь кабинета открылась, из проема полувыглянул громила и жестом руки (ага, здесь, перед хозяином, надо соблюдать этикет) пригласил аудитора войти.

Пётрович было и вошел, но тут же остановился на пороге. Ничего похожего с приемной. Просторное помещение, функциональная, светлая, сборная мебель, на полу мягкий светло-серый ковролин и, самое главное, широкие, с тонкими прозрачными занавесками окна, выходящие в уютный, совсем не викторианский, а такой же светлый внутренний двор. Стеклопанельная дверь сбоку оконного проема была приоткрыта, и Пётровичу показалось, что он слышит журчание фонтана. Аналитический ум, отточенный не только годами цифровых дорожек, но и немислимыми раскладами старого польского преферанса, моментально выдал свое заключение — игра контрастов. Терапия психических расстройств.

Хозяин кабинета, поднявшийся из-за стола навстречу гостю, казалось, излучал саму благодать. Средний рост, не сильно выдающийся живот под клетчатой, в ласковые коричневые, это вам уже не паркет, тона, дорогой шерсти, с обшитыми пуговицами жилеткой, на разрез которой спускалась средней *окладости* седая борода. Мелькнуло — Олелукойе, как тут же край зрения поймал стоявшие в подставке два зонтика, один — черный, другой — разноцветный. Подставка была свободная, и зонтики не были застегнуты, а, полуоткрывшись, стояли бук-

вой V под (нет, это не может быть репродукция, она же нигде не выставлялась. Какой, *к ежикам*, край зрения? Смотри во все глаза: неужели оригинал?), разноцветный зонтик буквально был готов выпрыгнуть из подставки в объятия своей, такой же разноцветной хозяйки. «Голова женщины». Пикассо. Тысяча девятьсот тридцать восьмой год. «Герника» осталась там, за спиной, в тысяча девятьсот тридцать седьмом, в темном коридоре, по дороге в чистилище приемной. Да, министерство здравоохранения не зря им выдало лицензию.

ДОГОВОР

Хозяин кабинета радушно развел руки:

— По вашей реакции я вижу, что мы не зря навели справки и выбрали именно вас. Позвольте представиться. Доктор медицины Пихлер, секретарь клуба. Прошу, — и он указал на один из стульев, стоявших перед рабочим столом.

Аудитор взял стул за спинку, тот оказался очень легким на подъем, на стыках заметны изящные винтовые отверстия (да, эта та самая скандинавская сборная мебель, которая сейчас входит в моду), подвинул его к столу и, положив папку на колени, осторожно присел. Ничего, крепкий. Оле-Лукойе сел на свой, точно такой же стул и положил руки на стол.

— Доктор Пётрович, клуб благодарен вам, что вы приняли его приглашение. Но — перейдем сразу к делу. Я сейчас вам вкратце расскажу о деятельности клуба и сделаю предложение. Если мы договоримся, а я надеюсь, что мы договоримся, то я приглашу вас на небольшую экскурсию по клубу и заодно в ваш кабинет, в котором собрана вся бухгалтерская

документация, там, где вы будете работать. И так, клуб представляет собой некоммерческую организацию, взносы, доходы, расходы, мы ежегодно сдавали отчетность в департаменты финансов и статистики и платили налоги с чистых доходов. Но с этого года (здесь дело не в некоммерческом предприятии, а в том, что мы работаем под лицензией министерства здравоохранения) нас обязали подтверждать отчетность аудиторской справкой. На сегодняшний день членами клуба являются тридцать три человека, которые платят членские взносы. Они-то и составляют основную массу поступлений. В клубе работают на постоянной основе шесть сотрудников: я как секретарь клуба, моя жена (она же хостесса, на ней сервировка аперитивов и обеды для персонала), Курт (камердинер, с ним вы уже познакомились). — Пётрович повернул голову, но за спиной никого не было. — Не волнуйтесь, он уже давно вышел, горничная, которая помогает Курту обслуживать гостей, наш массовик, который организует, скажем так, светский досуг членов клуба, и психиатр, на попечение которого как раз и находится душевное состояние членов клуба. Ведь я — доктор общей практики, так сказать, терапевт, что тоже приветствуется министерством, но наличие дипломированного психиатра необходимо для получения соответствующей лицензии. Их заработная плата и текущие уставные издержки составляют основную массу расходов клуба. Также у нас есть соглашение с внештатным юри-

стом, который оформляет сами договоры. Есть еще священник (мы находимся под патронажем прихода святого Николая), но он работает на общественных началах, правда, в знак благодарности мы осуществляем финансирование некоторой деятельности прихода. Это то, что я определяю в отчетности как прочие расходы. Да, все делопроизводство веду я, мне приходилось ранее работать администратором больницы, здесь такая же больница, так что на мне сбор всех документов и заключение договоров как с работниками, так и с членами клуба.

— В справке департамента статистики, — аудитор решил взять слово и показать свою осведомленность, — также сказано о заграничном благотворительном фонде.

— О, вы, я вижу, подготовились к встрече, — Оле-Лукойе одобрительно покачал головой. — Да, мы созданы международной благотворительной организацией. Но к нашей отчетности это отношение не имеет. Конечно, фонд является конечным бенефициаром, поэтому чистый доход направляется в его распоряжение. Но это, как у вас принято говорить, забалансовый вид деятельности.

— Тогда позвольте еще один вопрос. — Пётрович уловил благожелательный кивок и продолжил: — Членские взносы доходами не являются. Значит, существуют прочие доходы?

— Да, — секретарь сложил руки на груди. — К сожалению, далеко не всех членов клуба удастся

убедить отказаться от навязчивой идеи, поэтому, согласно типовому договору, после смерти члена клуба все его имущество переходит в собственность клуба. Хотя в обязанности юриста и входит проверка достоверности информации о финансовом и имущественном положении будущего члена клуба, но иногда и он допускает промашку. Постфактум нам иногда приходится сталкиваться с неимущими. Именно поэтому, во избежание риска банкротства, в клубе установлен высокий членский взнос. Ну а если юрист допускает такую промашку, то от его услуг отказываются. К сожалению, нынешнее поколение уже потеряло навыки средневековой деловой усидчивости. За последние годы мы были вынуждены дважды менять юриста, одного как раз совсем недавно.

Пётрович сделал знак рукой, показывая, что ему есть что сказать по этому поводу, но Оле-Лукойе поднял ладонь:

— Да, я знаю, что ваш профессиональный устав разрешает вам заниматься опекунской деятельностью, в том числе управлением чужим имуществом по доверенности. Но уверяю вас, что здесь вам незачем будет этого касаться. Договор с членом клуба составлен так, что клуб становится правообладателем и единственным наследником всего имущества. Несмотря на риск недостоверной информации, мы считаем нетактичным требовать от новоприбывшего, по сути душевно расстроенного человека, документально заверенную опись его имущества. Такая

форма договора облегчает и отношения постфактум с родственниками члена клуба. Так что вам вменяется в обязанность только проверить достоверность первичной финансовой документации, сделать ее свод и представить справку о ее достоверности. Сделать это надо в течение календарного месяца, и за все за это, — секретарь приоткрыл боковой ящик стола и достал оттуда широкий конверт, — вам полагается... Открывайте. — Он положил конверт на стол и движением руки пододвинул его к аудитору.

Пётрович открыл конверт и достал сложенные вдвое листы. Это был договор. Наискось просмотрев первую страницу (ничего особенного, стандартный договор, образец взят в библиотеке), он взял вторую страницу. Ого! Держа листы договора в руке, аудитор поднял глаза на собеседника.

— Да-да, мы считаем, что такая работа в таком месте стоит таких денег.

Из опасения выдать свои эмоции Пётрович опустил глаза и вновь уткнул их в договор. Аванс в тридцать процентов. Но гонорар... гонорар равнялся сумме, полученной когда-то за аудит небольшого медеплавильного завода, который он делал три месяца с командой из пяти человек.

— Думаю, что вы понимаете, — продолжал секретарь, — почему мы не обратились с такой деликатной просьбой в престижную аудиторскую компанию, к тем же братьям Клемен. Каким бы ни было требование конфиденциальности, компания есть

компания. Старший партнер перекладывает работу на младшего партнера, а если нет, то младший партнер заигрывает с секретаршей, которая печатает заключение. Информация так или иначе расползается по ее коридорам. Поэтому-то у нас соглашение с независимым юристом, а не с юридической фирмой.

«Они уже знают, что я уволил всех своих сотрудников, — догадался Пётрович, — надо же, и от пустых коридоров бывает польза». Он взглянул на третью страницу. Там уже были пропечатаны его реквизиты и реквизиты секретаря. Аудитор поднял голову.

— Не волнуйтесь, у меня есть право подписи. Конечно, как в каждом приличном клубе, у нас есть и председатель. Но он редко появляется здесь. Если необходимо, я составляю ему корреспонденцию до востребования. У него много дел по всему миру. Так что, как я вам и сказал, все бумаги подписываю я. Знаете, что такое психология чиновника? Взяв наши бумаги, он тут же, как и вы, посмотрит в статистический справочник и увидит наш тип деятельности. А на всех наших бумагах — подпись доктора медицины. Конечно, наш психиатр имеет все профессиональные полномочия, но какой чиновник будет рыться в аттестатах, увидев подпись доктора медицины?

Пётрович согласно качнул головой — разумно, достал из правого внутреннего кармана именной

«Каран д'Аш», индивидуальный заказ, тетушкин подарок на юбилей, и поставил свою подпись¹.

— Вот и славно. — Секретарь быстро расписался на положенном ему месте и достал из стола еще два конверта, один такой же широкий, а другой — узкий, того самого нестандартного размера, в котором было прислано приглашение сойти в ад. Да, именно сюда, подумал Пётрович. Ах ты, старый сказочник, вот он, твой черный зонтик. Его вдруг охватил охотничий азарт, посмотрим, кто — кого, все тело приобрело упругость, ну Любляна, сегодня вечером — держись. — Вот ваш экземпляр, — Оле-Лукойе поставил свою подпись и вместе с узким конвертом протянул его аудитору, — и чек на аванс.

Секретарь подождал, пока аудитор уложит конверт с договором в свою папку, а чек — в левый внутренний карман, и встал из-за стола.

— А теперь — прошу на экскурсию.

¹ Caran d'Ache — швейцарская компания, выпускающая эксклюзивные письменные принадлежности.

РАЗВЕДКА БОЕМ

В трамвае он почувствовал, как все тело обмякло. Нет, сегодня Любляне придется довольствоваться только хорошей новостью о контракте. Экскурсия, если разведку боем можно было назвать экскурсией, отняла все силы.

Встав из-за стола, собеседники направились в угол кабинета, примыкавший к оконному проему. Пётрович увидел в стене небольшую дверь. Секретарь открыл ее и первым вышел из кабинета.

Это тоже был коридор, не такой длинный и очень светлый — его правая стена была почти вся из стекла, коридор огибал по периметру внутренний дворик. А вот и фонтан. Левая стена была увешана репродукциями известных полотен. Одни импрессионисты.

— Мы стараемся, чтобы интерьер поднимал настроение. А кто лучше импрессионистов может поднять настроение?

— Скажите, а кто, — Пётрович вежливо решил поддержать беседу, — выбирает, какие репродукции вешать?

— Председатель. Все решения по интерьеру принимает только он.

Собеседники повернули за угол. Здесь тоже висели репродукции. Но совсем другие. Некрополь в самом центре Европы. Пётрович замедлил шаг. Некоторых он узнавал сразу, других — подсказывали медные таблички на рамках. Копии барельефов, картин, фотографий. Галерея самоубийств. Аудитор скользнул взглядам по веренице народных трибунов, царей и императоров древности (интересно, куда ведет эта закрытая широкая дверь) и направился в конец коридора, где угадывались знакомые лица. Ван Гог, Джек Лондон, Фридрих Крупп, Чарльз Ротшильд, дальше — Хемингуэй, а здесь — фотография: обритая голова, здоровенный лбище.

— Ма-я-ков-ски, — по слогам прочитал Пётрович и повернулся к Оле-Лукойе.

— Это — один русский поэт. Не очень у нас известный, но — председатель настаивал.

А за фотографией Хемингуэя висела пустая рамка. Аудитор опять обернулся к секретарю.

— А это — часть нашей терапии. Ее предложил массовик, он циник (за это мы его держим), он проводит членов клуба по этому коридору с насмешками, вот он и предложил повесить пустую рамку, чтобы на ваш вопрос вы услышали ответ: может, это будет ваша фотография, но только вначале надо выбросить всю дурь из головы, покинуть клуб, сделать в жизни что-нибудь значительное, стать знаменитым и толь-

ко потом — вернуться сюда. Председатель одобрил эту идею. И знаете, многие из наших членов, тех, кто расторгает договор (да-да, у нас никакого принуждения), говорят, что на них этот довод подействовал.

— А права на имущество, — наконец Пётрович начал работать, — они восстанавливаются с расторжением договора?

— Конечно, — широко развел руки Оле-Лукойе. — Только мы (как правильной это сказать, ну вы увидите в документах, поскольку накладные расходы на содержание клуба в расчете на одного его члена посчитать достаточно непросто: кто-то участвует в наших мероприятиях больше, кто-то меньше) поэтому при расторжении договора взыскиваем сумму, равную вступительному взносу.

— А о каких мероприятиях, — азарт продолжал захватывать, — идет речь?

— Вечерние аперитивы, постановка спектаклей. Посещение увеселительных заведений, театров, вальсов. Это основная работа массовика. Поездки в горы. Там уже подключается и психиатр.

Собеседники повернули за последний угол. Опять репродукции. Но теперь — одни итальянцы.

— А здесь, — секретарь окинул коридор руками, — собраны репродукции самых известных произведений на религиозную тему. Наш приход очень одобряет эту галерею.

— Я вижу. — Пётрович подошел к «Мадонне» Рафаэля. Интересно, что рассказывает здесь их мас-

совик? Скабрезные анекдоты про Форнарину? Вопрос почти сорвался с языка, но аудитор удержался и вместо этого спросил:

— А что психиатр делает в горах?

— Вы это увидите в отчетах о поездках. Билеты на прыжки со скалы.

— Зачем?

— Игра со смертью. Это часть его метода. Но его метод, он точно не имеет отношения к вашему заданию.

— Хорошо, — аудитор согласно кивнул головой, — а если мне в документах покажется какая-то его деятельность, скажем, не совсем уставной, смогу ли я задать психиатру уточняющие вопросы? Или тому же массовику? Походы в варьете, они же бывают разные.

С лица секретаря сошел флер учтивости.

— У нас не принято друг друга лишней раз беспокоить. Если у вас возникнут вопросы, то на них вы получите ответы от меня. А вот и ваш кабинет.

Он открыл маленькую дверь по соседству с входом в туалетную комнату.

— Простите, у нас нет специального помещения. Та дверь, на которую вы обратили внимание в середине центральной галереи, ведет в общую залу. Она окаймлена отдельными кабинетами, задернутыми портьерами. Это на тот случай, если кому-то из членов клуба захочется уединиться. Но все это: и кабинеты, и сама зала — только для членов клуба. По-

этому пришлось попросить Курта срочно прибраться в кладовой — для вашей работы.

Пётрович заглянул в кладовую. Стены были еще влажными от недавней побелки. Посреди комнаты стоял стол с набором письменных принадлежностей, пишущей машинкой, калькулятором и пепельницей. К стене прислонился стеллаж (вот где ты, громила, хранишь свои *причиндалы*), на котором аккуратными стопками были сложены документы и в несколько рядов стояли справочники. Маленькое полупрозрачное окошко и на правой стене под потолком зарешеченная вытяжка (хорошо, будет проветривать трубочный дым) завершали нехитрый интерьер его на месяц рабочего кабинета.

— Замечательно. — Пётрович позволил себе засунуть руки в карманы. Как-то неловко получилось с психиатром. — Скажите, а где вы ставите спектакли? Вы же сказали о постановках.

Лицо Оле-Лукойе опять приобрело благодушное выражение.

— Во внутреннем дворе. Мы заказываем много лет одной и той же строительной фирме сцену и скамейки для зрителей. Они приезжают и за день все аккуратно сколачивают. К сожалению, ни у них, на фирме, ни тем паче у нас нет места для хранения этого реквизита. Поэтому постановки не так часты, поскольку скамейки и сцену каждый раз приходится сколачивать заново. Конечно, это накладно, вы увидите в документах, но это — часть нашей рабо-

ты. В прошлом году мы поставили самого «Гамлета».

— А что, среди членов клуба есть женщины?

— Нет. Это запрещено уставом. Поэтому на роли Офелии и Гертруды наш массовик подобрал приглашенных артисток. Они приезжали дважды: на генеральную репетицию (на первых прогонах их реплики подавал массовик) и на сам спектакль. Но они приезжали поздним вечером. Думаю, что они даже не знали, где выступают. Гертруда была так себе, но Офелия... Она играла без грима. Он ей был не нужен. Такое вдохновенное лицо, — Оле-Лукойе даже немного закатил глаза, — пепельные кудри, миндалевидный разрез глаз... А формы... — но, закатившись, глаза вернулись на свое место, — да, а скамейки и сцену, вы это тоже увидите в документах, я списываю на отопление камина в зале. Курт их компактно распиливает и складывает на заднем дворе.

Пётрович было двинулся внутрь кабинета, но его мягко удержала рука секретаря:

— В понедельник. Еще успеете. Вы же чувствуете, что краска не успела высохнуть. Еще простудитесь. А я сейчас попрошу Курта поставить обогреватель, так что за выходные все высохнет. Здесь еще надо провести кнопку звонка для вызова горничной — вы же будете обедать и пить кофе? Да, забыл сказать. Ваш рабочий день здесь будет начинаться с утра, а вечером вы можете уходить пораньше. У вас же могут быть в бюро и другие дела, не

так ли? Так что телефон вам здесь не понадобится. На входе в клуб, на стене, вы, наверное, заметили телефонный аппарат. Но это — для членов клуба. А для вас, если будет что-то неотложное, телефон в моем кабинете — всегда к вашим услугам. И, конечно, сегодня вы первый и последний раз пришли и уйдете с папкой. Все записи остаются здесь, все необходимые справочники, — секретарь показал на стеллаж, — находятся также здесь, если что-то будет еще необходимо, я вам принесу, а ваши рабочие записи из бюро... Мы считаем, что ваша квалификация позволяет вам держать всю необходимую информацию в голове.

Они пошли обратно, и Оле-Лукойе взял аудитора под руку.

— Думаю, что это — лишнее и что вы сами понимаете, что разговоры с членами клуба для вас строжайше запрещены. Да, и не пытайтесь разговаривать горничную — она немая от рождения. Но замечательно слышит и все понимает. Я это говорю потому, чтобы предварить ваш вопрос, когда вы будете смотреть документы о специальном оборудовании, установленном в клубе. Да, особенность нашей деятельности такова, что мы ни на минуту не можем оставить без внимания наших пациентов. Даже здесь.

«Старый сказочник, ты мог бы этого и не говорить. — Пётрович еще в первой галерее обратил внимание на видеокамеры под потолком. — Что они, ре-

продукции охраняют?» И следующий вопрос выско-
чил сам собой:

— Скажите, а в вашем кабинете Пикассо, это...

— Да, это оригинал. Недавний подарок предсе-
дателя. Клубу.

— А почему — Пикассо?

— Вам не доводилось смотреть экранизацию
Стивенсона, сделанную русскими? Нет? Мерзкая
вещь. Но многие члены нашего клуба ее смотрели.
А там председатель клуба самоубийц изображен де-
моном, да еще при помощи жалкой пародии на Пи-
кассо. Председатель был очень этим задет. Я тогда
получил от него такое пространное письмо: да, он
пишет мне письма — без адреса. Председатель вооб-
ще не любит суеты. У него есть здесь, в городе, до-
веренное лицо, кто — я не знаю, но которое перио-
дически опускает конверты без надписей в почтовый
ящик. И вслед за этим письмом я получаю уведом-
ление от центральной почты о ценной бандероли на
мое имя. Привожу ее сюда, открываю, а там — Пи-
кассо. Поэтому, когда теперь новоприбывший появ-
ляется в моем кабинете для подписания договора, на
реплику «а каков на самом деле из себя Клетчатый?
(так авторы фильма вульгарно обозвали тамошнего
председателя) я отвечаю вопросом на вопрос: «А ка-
ков, по-вашему, настоящий Пикассо?» — и показы-
ваю на картину.

— А бандероль, она пришла откуда?

— Зачем вам это знать?

— Ценная вещь. Если это подарок клубу, то он должен быть и в описи, и в балансе.

— А зачем департаменту финансов знать о Пикассо? — рука секретаря плотно сжала локоть Пётровича.

Это рукопожатие, по сути, и было прощальным. Высокие договаривающиеся стороны прошли длинным коридором, где на пороге, пожелав друг другу удачного завершения дня, расстались до понедельника.

ТРЕНИРОВКА

Ночь он провел очень беспокойно. Пётрович вернулся домой только под утро. Попытался заснуть, но пиковые тузы, короли, дамы и валеты кружились в голове невообразимыми раскладами. Несколько раз он вставал покурить, включал телевизор, брался за книгу, вроде засыпал, но опять просыпался. Прошедший день не выходил из головы. Вернувшись в бюро, он первым делом вызвал Люблян, дал ей чек (та от радости захлопала в ладоши: «Контракт, да? Я же говорила, что книга — к успеху»), попросил отнести чек в банк, получить по нему треть суммы наличными, а остальное положить на счет. Оставшись один, он взялся было за томик Стивенсона, который так и лежал на столе, но тут же пошел и поставил его на место. Какая-то чушь. До конца дня оставалось еще несколько часов, но Пётрович повернулся к стойке бара, достал бутылку коньяка, бокал и вернулся к столу. Сделав глоток, он вдруг подумал, что не так все плохо. Есть еще целых два дня на подготовку. Первым делом завтра утром к тете — отдать долг. Он поднял трубку, набрал номер, дождался тетушкино-

го мелодичного «алло-о?» и порадовал ее сообщением об утреннем визите. Вернусь от тети — нарисую дома «дерево решений». В воскресенье приду сюда и раскидаю по «дереву» все материалы о филиалах международных фондов и некоммерческих организаций. А сегодня — что? Может, все-таки — Любляна? Только сейчас он вспомнил, что, войдя в приемную, секретарша тут же встала из-за стола, он автоматически отметил ее ту самую мини-юбку. Если я угадал ее настроение, то, когда она вернется из банка, зайдет к нему в длинном пальто. Мои реквизиты, как, надув губки, она называла этот наряд, обычно предшествующий вечеру вдвоем. Нет, надо, чтобы голова отвлеклась, серьезно отвлеклась, на что-то другое. А то мне и на ее бедрах (он сделал глоток: автор «Острова сокровищ», это — за тебя) будет видаться пиковый туз. Туз! Сегодня же пятница! Вот что мы сделаем. Пойдем в карточный клуб и сыграем «по маленькой» несколько партий в белот¹.

Дверь отворилась без стука, и Любляна, распахнув длинное пальто и постукивая каблуками высоких, блестящими голенищами обтягивающих ноги сапог, подошла к столу и села в кресло напротив. Она достала из сумочки конверт, пачку сигарет, зажигалку и, протянув конверт своему начальнику, закурила. Пётрович взял конверт, достал деньги, отсчитал несколько купюр, вложил их обратно в конверт, за-

¹ Белот — карточная игра в 32 карты.

сунул его в левый внутренний карман, застегнул тот на пуговицу, затем открыл сейф в правой тумбе стола и положил туда остаток суммы. Теперь — неприятное объяснение.

— Послушай, милая, мне сегодня надо кое-чем заняться.

— В пятницу вечером? — одна бровь взлетела вверх.

— Да, в пятницу вечером. С понедельника я буду появляться здесь только к концу дня. И так в течение целого месяца. Предстоит много работы, так что сегодня надо кое-что подготовить. — И, глядя на надутые губы, он решил немного подсластить пилюлю и задать вопрос, который ей наверняка поднимет настроение, потому что он заранее знал ответ: — Послушай, а как у тебя выходит — так двигать бровями?

— Получается? Ты — заметил? Это — от уроков актерского мастерства.

Каждый вторник, второе занятие приходилось на утро субботы, Любляна уходила пораньше — брать уроки в театральной студии.

— Какой ты у меня все-таки душечка! — Любляна обежала стол, сесть на колени в его кресле у нее не получалось, всегда мешали высокие подлокотники, поэтому она слегка откатила кресло, забралась на стол, раздвинула ноги, открыв тонкую, интимную, но (все-таки ей не откажешь во вкусе) совершенную непрозрачность колготок, положила ноги на эти са-